

— Линь-Линь, это ты? Ключи забыл? — из глубины квартиры донеслись шаркающий шаг Старика Ханя и его хрипловатый голос.

В отличие от дома Линь Цзунцзе, где стоял современный биометрический замок, у Ханя дверь была старой. Он стоял спиной к лестничной площадке, но отчетливо слышал, как внутри квартиры проворачивается ключ и лязгает засов. В этот момент до него с запозданием дошло: на нем все еще висит чужое тело. Хань Линь попытался что-то сказать, но ему надежно закрыли рот, пресекая любую попытку издать звук. Он дернулся, желая оттолкнуть наглеца, но Линь Цзунцзе будто читал его мысли — ловко уклонялся от каждого движения и наваливался сильнее, прижимая парня к стене.

В голове билась одна-единственная паническая мысль: если их кто-нибудь увидит — это конец. Хань Линь терял самообладание, утопая в неловкости, в то время как Линь Цзунцзе сохранял абсолютное, поистине наглое спокойствие. Стоило двери приоткрыться, как Линь Цзунцзе мгновенно отстранился и резким, но аккуратным толчком отпихнул Ханя Линя в проем.

Старик Хань недоуменно уставился на сына, который переминался с ноги на ногу на пороге, испуганно озираясь.

— Что с тобой?

Хань Линь обычно казался холодным и отстраненным, из тех парней, что и глазом не моргнут при любом потрясении. Но сейчас его явно штормило. Обеспокоенный отец попытался выглянуть на лестничную клетку, но Хань Линь поспешно втолкнул его обратно в прихожую.

— Да так, ключи забыл, — бросил он на ходу, стараясь выровнять дыхание. — Боялся, что тебя дома нет.

Уходя, он краем глаза заметил Линь Цзунцзе. Тот непринужденно прислонился к бетонным перилам общего балкона, засунув руки в карманы. Хань Линь буквально влетел в квартиру и захлопнул за собой дверь.

Дверь перед носом Линь Цзунцзе закрылась, приглушая голоса. Он самодовольно ухмыльнулся и слизнул с губ оставшуюся сладость. Проведя большим пальцем по губам, он тихо прошептал в темноту:

— До завтра. Спокойной ночи.

Вслед за захлопнувшейся дверью погасла и тусклая лампочка в подъезде, чей датчик движения всегда срабатывал с опозданием. Линь Цзунцзе не стал топтать ногами, чтобы заставить ее загореться. Учился он так себе, но зрение имел отменное, поэтому даже в темноте во всех деталях помнил испуганное лицо Ханя Линя. Решения порой принимаются в один миг.

"Это он"

Эту мысль Линь Цзунцзе бережно спрятал в глубине души.

Хань Линь так и не понял, как ему удалось пережить эту ночь и сделать вид, будто ничего не произошло. Сцена, в которой Линь Цзунцзе прижимает его к стене и целует, крутилась в голове бесконечной кинолентой. Как и жар пальцев на коже, прикосновение чужих губ оставило обжигающий след.

Он ворочался с боку на бок, мучаясь от сухости во рту. Сколько бы воды он ни пил, легче не становилось. В мыслях царил хаос, в груди — смятение. Он то и дело касался собственных губ, сгорая от бессильной злости: хотелось выругаться, но он даже не знал, кого именно винить в этом безумии.

Утром он еще минут десять просидел на краю постели, глядя в одну точку. Если бы не отец — солидный профессор, который в быту оставался на редкость суетливым и безалаберным, — то и дело вопрошавший из коридора, куда делись его носки и галстук, Хань Линь рисковал окончательно провалиться в астрал.

Понимая, что голова соображает туго, перед выходом он трижды проверил рюкзак. Убедившись, что все учебники на месте, он наконец вышел. Проходя мимо того самого места на лестничной клетке, где вчера его зажали, Хань Линь невольно вздохнул — в этот раз обреченность перевесила гнев. Сердиться уже не хотелось. Он подошел к бетонным перилам и легонько коснулся лепестков маленького красного цветка, росшего в глиняном горшке.

— Одно вареное яйцо и несладкое соевое молоко.

В старых переулках жизнь всегда была ключом с раннего утра. Узкие проходы заполнили лотки с завтраками и овощные лавки, сквозь которые протискивались толпы школьников в разномастной форме. Хань Линь не отличался привередливостью. Он прожил здесь всю жизнь, но в отличие от сверстников никогда не стремился перепробовать весь здешний стрит-фуд. Его утренний рацион оставался неизменным годами — простая еда в одной и той же палатке, которая никогда ему не приедалась.

Цены здесь тоже не менялись годами. Хань Линь полез в поясную сумку за мелочью, но чья-то сильная рука опередила его, перехватив пакет с молоком, а на прилавок легла новенькая хрустящая купюра в сто юаней.

Рукава школьной ветровки незнакомца были небрежно закатаны до локтей. Линь Цзунцзе подхватил утренний паек Ханя и, поймав на себе его ошеломленный взгляд, обезоруживающе подмигнул:

— Доброе утро.

Сердце Ханя пропустило удар. Он тут же отвел взгляд, стараясь казаться равнодушным. Главное — не показать своего смущения. Достав три монеты по одному юаню, он протянул их продавцу:

— Заберите его сто юаней, верните ему. У меня есть без сдачи.

Покупатели редко расплачивались крупными купюрами за копеечный завтрак, тем более в утренний час пик. Хозяин лавки, у которого в кассе отродясь не водилось сдачи с сотни, уже потянулся было вернуть банкноту парню, обрадовавшись мелочи. Но Линь Цзунцзе бесцеремонно сгреб Хань Линя в охапку, пользуясь преимуществом в росте и силе.

— Ты чего? Я же сказал, что беру твои расходы на себя, — хохотнул он и, повернувшись к продавцу, щедро махнул рукой: — Сдачи не надо, отец! Запиши этого парня на месяц вперед. Пусть каждое утро забирает свой паек и идет по делам, идет?

— Договорились! — обрадовался торговец, не веря такой удаче.

— Ты что творишь? — Хань Линь попытался вырваться, пока его тащили к выходу из переулочка, но устраивать сцену на глазах у соседей не решался.

Слава богу, Линь Цзунцзе был парнем, и прохожие принимали их возню за обычные дружеские подначки. Окажись на его месте девчонка — к вечеру все сплетники района уже вовсю судачили бы об их романе.

Хань Линь высвободил плечо:

— Хватит паясничать, ладно?

— С чего ты взял, что я паясничая? — Линь Цзунцзе преградил ему дорогу, засунув руки в карманы. Искреннее непонимание отразилось на его лице. — Я серьезно.

— У меня нет времени на твои игры.

— Погоди, — Линь Цзунцзе шагнул ближе. — Объясни мне, почему ты не веришь в мою искренность?

— Во сколько лет ты начал встречаться с парнями или девушками? — вдруг спросил Хань Линь, прямо взглянув на него.

Его огромные, влажные глаза сияли так, что у Линь Цзунцзе перехватило дыхание. Он растерялся под этим пристальным взглядом и сдался:

— Ладно, ладно, твоя взяла. Но как это связано с моими чувствами к тебе?

Хань Линь промолчал, продолжая сверлить его взглядом.

— Хорошо, пусть будет связь, — вздохнул Линь Цзунцзе. — Только я не помню всех деталей. Что вообще считать отношениями? Держаться за руки? Или целоваться?

При слове "целоваться" Линь Цзунцзе непроизвольно облизнул губы. Хань Линь заметил этот жест, и вчерашний поцелуй вновь вспыхнул в памяти жарким воспоминанием. Сердце забилося чаще, мысли спутались, и он опять отвел глаза.

Линь Цзунцзе наклонился к его лицу, предугадывая попытку отступить, и крепко взял за плечи:

— Наверное, лет с шестнадцати. В прошлом году.

— И сколько у тебя их было? — сухо спросил Хань Линь.

— Тебя считать?

—...

— Ладно, шучу-шучу! Без тебя... штуки четыре, наверное. Если считать только те, где дело доходило до поцелуев, — Линь Цзунцзе принялся загибать пальцы. — Но я их не особо любил. Так, общались, пока было интересно, а потом расходились. С тобой все иначе. Я вчера всю ночь заснуть не мог, только о тебе и думал.

—...

Хань Линь процедил сквозь зубы:

— Ты издеваешься? Сейчас в ухо получишь.

— Эй, ну за что? — взмолился Линь Цзунцзе. — Ты же сам спросил. Я ведь тогда тебя еще не знал. Встреть я тебя раньше, давно бы уже бегал за тобой, честное слово, не ждал бы до одиннадцатого класса.

— Отвяжись, — Хань Линь раздраженно сбросил его руку с плеча.

— Да почему ты опять злишься? Сам же вопросы задавал!

Хань Линь обошел его и решительно зашагал вперед. Сбежать все равно не получилось бы, поэтому он просто перестал обращать на него внимание. Линь Цзунцзе послушно пристроился на полшага позади и всю дорогу до самой школы без умолку что-то тараторил, не смущаясь отсутствием ответов.

Хань Линю и самому ситуация казалась дикой. Изначально он планировал холодно и аргументированно объяснить Линь Цзунцзе, что у их влюбленности нет будущего, что двум парням в этом обществе не выжить, или просто вежливо отказать, сославшись на нежелание отвлекаться от учебы. Он хотел доказать, что чувства Цзунцзе — лишь мимолетный каприз, вспышка гормонов и жажда новизны.

Но признание про четырех бывших подружек мигом превратило все его заготовленные речи в прах, оставив лишь горькую обиду.

"Для него это просто очередная интрижка. Поразвлекается, поцелует, а когда надоест — найдет другого"

Хань Линь злился на себя за то, что принял все это близко к сердцу, и за весь день не удостоил Линь Цзунцзе даже взглядом.

Пока Хань Линь изнывал от безмолвной ярости, Линь Цзунцзе тоже места себе не находил.

"Что опять не так-то? Я его караулю, провожаю, завтраки покупаю — а он нос воротит!" — недоумевал парень. Во время сбора тетрадей Хань Линь даже не подошел к нему. Линь Цзунцзе мог бы вообще забить на домашку, но в итоге сам, тихо и понуро, принес свою тетрадь и положил на край стола учебного старосты.

При первой же возможности он утащил Ляо Вэя в спортзал, чтобы излить душу.

— Хоть убей, не понимаю! Ну почему нельзя просто сесть и нормально поговорить? Поорать друг на друга, подраться — без проблем. Но молчание-то это к чему? — жаловался Линь Цзунцзе, нарезая круги по площадке. — Утром увидел меня — и сразу волком смотрит. Что я опять сделал?

— Да ладно тебе. Вы вообще встречаетесь или как? — лениво отозвался Ляо Вэй, не торопясь постукивая баскетбольным мячом о паркет. Отношения его мало интересовали, особенно когда дело касалось ветреного Линь Цзунцзе, чьи увлечения редко длились дольше двух недель. Стоило ли так убиваться из-за очередной прихоти?

— Встречаемся, наверное. Я вчера его поцеловал.

— И как? По лицу получил?

— Нет.

— Ну значит, согласился, — Ляо Вэй похлопал друга по плечу. — Избаловал ты его, бро. Игнорирует? Ну и забей на пару дней, пусть остынет. Если ума наберется — продолжите, а нет — так и черт с ним, не велика потеря. Быстрее найдешь замену.

<http://bllate.org/book/18229/1759025>